

трагичность, неуместность этих смертей. Лившица возмущает сам факт войны, не конкретно эти жертвы, которые он уже не воспринимает как людей, скорее даже испытывает отвращение к их останкам (*гниющие мертвецы*). Для того, чтобы акцентировать чудовищность ситуации, ему достаточно противопоставить одно положительно окрашенное существительное словосочетанию с негативной окраской:

мертвецов, гниющих / между роз

Последние шесть строк перевода в лексическом плане почти дословно соответствуют оригиналу. Автор иронизирует по адресу Бога, который допускает злодеяния войны, и считает, что единственное, что Бог еще может дать людям – это утешение, а не решение их проблем или исправление их ошибок.

Из вышесказанного видно, что переводчик остался верен теме оригинала, хотя образность и претерпела некоторые трансформации.

© В.П. Палачева
Кемерово

ОГНЕННАЯ СИМВОЛИКА В ПОЭМЕ М.А. ВОЛОШИНА «ПУТЯМИ КАИНА»

Подобно «Теогонии» Гесиода, заложившей основы индивидуально-мифотворчества в эпоху эпических теокосмогоний, поэма М.А. Волошина «Путями Каина» (Трагедия материальной культуры, 1915–1926) продолжает развивать космогонические представления философов-«мифографов» древности. Одним из доминирующих символов, пришедших в поэму Волошина из библейских источников, античных мифов и восточных легенд, является огонь – главный составляющий элемент огненной философии Гераклита, согласно которому космос рождается из огня и сгорает дотла. Именно это представление об огне-демиурге становится центральным в поэтическом мире М.А. Волошина. Огненная символика присутствовала уже в ранних стихотворениях поэта и сопровождала его на протяжении всего творчества (Огненных линий аккорд, 1905; Под знаком Льва, 1914; Демоны глухонемые, 1917; Непалимая Купина, 1919; Китеж, 1919; Готовность, 1921 и др.), становясь отражением «взвихренной» сути России.

Огонь – первое и главное свойство материи, открытое человеку. Согласно древним восточным легендам, пирамидально-конусообразная формула-фигура огня (обращенный вершиной вверх «мужской» треугольник) предполагает единство начал, заложенных в его основах-вершинах: человеку нужно овладеть огненной стихией (смирить в себе гневливых Саламандр), научиться мыслить огнем и принять огонь как путь любви и сострадания, единственно возможный для поэта (как считал Волошин) в период смут и революций.

В Книгах Библии огонь является метафорой тяжкого испытания, ча-

сто сопряженного с великой потерей: «Огнем будет испытано дело каждого, каково оно» (1 Кор. 3, 12-15). В Ветхом Завете огонь традиционно оказывается связан или с гневом Божиим, или с Его милостью (Бог в виде огненного столпа указывал дорогу), или с жертвоприношением. Последнее дело огня связано с концом мира. В «Путях Каина» Волошин обращается к «огненным» страницам ветхозаветной истории, выстраивая главы-книги своей поэмы в соответствии с библейскими представлениями.

За возжигание чуждого огня Бог сжигает сынов Аароновых (Лев. 10, 2), карает огнем колено Левино (Числ. 16, 35) за отступничество и бунт против Моисея и Бога. Огонь служит наказанием за сомнение и ропот израильтянам (Числ. 11, 1), Огнем разрушен Гай (Нав. 8, 19), побеждены Лаис (Суд. 18, 27) и Гива Вениаминова, сожжены Газер (3 Цар. 9, 16) и врата Иерусалима (Неем. 1, 3). Силу огня испытало на себе колено Иудино, изменившее завету (Нав. 7, 15). Наряду с разрушительной силой огонь проявляет себя и как знамение Божье: из жертвенного камня выходить огонь, поедая принесенную жертву (Суд. 6, 21; 13, 20). Огонь также и знак проклятья – им проклят Авимелех (Суд. 9, 20). Достаточное количество эпизодов в Ветхом Завете связано и с огненными видениями. Например, посредством огня Бог дает ответ Илии (3 Цар. 18, 24), а затем уносит его в огненной колеснице на небо (4 Цар. 2, 11); Иезикиилю дано было видение при реке Ховаре вида Славы Господней: из огня появлялась и в огне шествовала четверка животных (Иез. 1, 4-15). В Книге Пророка Исайи беззаконие сравнивается с огнем (9, 18). В качестве руководящего положения Волошин использует следующую фразу из этой книги: «Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ сделается как бы пищею огня» (9, 19). Бог Огня – «грозный» и «взыскующий» Яхве.

Трагедия материальной культуры связана с распадом материи, то есть уходом из нее огненного начала. Огненное присутствие, наполняющее собой вещество, дарует вещам возможность материального воплощения. Уже в первой главе своей философской поэмы «Путями Каина» («Мятеж») Волошин определяет огонь как жизнь. Основной ритм жизни подчиняется процессу горения. Название второй главы поэмы («Огонь») заключает один из основных символов целого произведения. Огонь, дающий себя знать через мятеж, выступает воплощением мятежа. Таким образом, возникает один из мифов, связанных с мятежным добыванием огня – миф о Прометее, укравшем небесный огонь у небожителей.

Семь этапов-составляющих главы отражают «тысячелетия огненной культуры». Путем огня идет человек, и этот путь – составляющее слагаемое путей Каиновых, земными знаками которых служат пролитие крови (кровавое жертвоприношение) и огонь (горящий факел костра), которые, в свою очередь, являются и знаками присутствия на земле человека. Волошин в поэме создает стихийно-огненную типологию, под-

разделяя огонь как субстанцию на огонь прирученный («ручной») и огонь (пламя) «неистовый», «неукротимый». К первой группе относятся мирный огонь жилища, священный огонь лампад, рабочий огонь заводских печей и сердечный огонь. Носителями второй группы оказываются губительный огонь пожаров, колеблющийся огонь маяков и манящий к себе огонь кочевий, разлагающий огонь алхимиков и протесующий огонь пророков.

Жизнь человека проходит под знаком Огня. Гнездо домашнего очага становится гнездом Жар-птицы, а материнская колыбельная – «напевом огненных Ригвед». Да и сам человек – сосуд, наполненный огнем, подобно Джину, заклепанному в бутылку, история которого как сказка из «Тысячи и одной ночи» возникает в главе «Магия». Века огненной культуры стали предтечей пороха (огненный сплав государств) и пара («прожорливого (огненного) Минотавра»), превративших огненную душу человека в гнилостные испарения пара и копоты (главы «Порох» и «Пар»). Динамо-станции и турбо-машины переработали огонь в электричество, при помощи которого освещаются пылающие «недра фабрик» («Машина»).

Человек, этот «древний замурованный огонь» («Машина»), в начале XX века начинает грозить миру взрывом. В период развития науки и техники огонь выходит из-под контроля людей и ополчается против человека, принося с собой великие разрушения: «Пусть истина взовьется как огонь // Со дна души, разъятой вихрем взрыва» («Бунтовщик»). На смену эпохе огненной культуры пришла эпоха культуры угасающей, причем угасание затрагивает все сферы: «Суд гасит страсть, // Правительство – мятеж, // Враг гасит жизнь, // Священник гасит совесть...» В подобной ситуации оказывается, что единственной заповедью жизни может быть только горение. «ГОРИ» – этот приказ-заклятье у Волошина написан заглавными буквами как знак движения-мятежа, как огненное клеймо эпохи Каина. Завет Бога человеку звучит следующим образом: «Сгорая – жги!» («Левифан»).

Обращаясь далее к прямому цитированию новозаветного текста («Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова») «Бог есть Любовь» (4, 8), Волошин продолжает далее: «Любовь же огонь, который // Пожрет вселенную и переплавит плоть» («Бунтовщик»). Называя отречение от материи основой бытия, Волошин рассматривает мир через закон жертвенности, согласно которому солнечный свет принесен в жертву «вселенскому очагу» – огню. Но, источив «вечности огня», человек оказался заложником взрыва: «Вы / люди / – пламя, замурованное в безднах, // Вы – факел, кинутый // В пороховой подвал!» («Бунтовщик»).

XX век, одержимый огненным гневным демоном («Война»), ведет человечество на Страшный Суд. И как чудовищное пророчество-проклятье, мир брошен к ногам огнедышащего Дракона. Однако человек

истреблен не только горением плоти, намного страшнее оказывается внутреннее горение-сгорание (то есть самоуничтожение) духа. Вселенная, рассыпавшись «водопадом сгорающих миров» («Космос»), осуждает душу блуждать «в струях огня и в огневертях мрака» («Таноб»).

Создавая свою огненную космогонию, Волошин в поэме «Путями Каина» соединяет античные и библейские традиции. Огонь у Волошина выступает как многофункциональное начало мира. Среди его функций поэт называет сплавляющую, мятежную, творящую, пылающую, карающую, язвительную, разделяющую, очистительную, томящуюся. С этими функциями связаны и типы огня, присутствующие в тексте: «жгучий вникающий» сплавляющий глину-плоть; мятежный и творческий; пылающий, запечатленный клеймом Каина; «пылающий в деснице Серафима» меч – «символ земной любви» и пламени рыцарского посвящения; язвительный и жгучий духовный огонь; разделяющий вихрь огненного взрыва. «Томление огня» в крови (а именно к такому выводу приходит Волошин) есть знак божественного присутствия в человеке, поскольку природа и того, и другого – огненная.

© Н.А. Панфилова
Магнитогорск

РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ» И РУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АВАНГАРД

Диалог романа Андрея Белого и русского художественного авангарда возможен по той причине, что это явления, порожденные одним «рубежным сознанием». Мир на переломе XIX – XX столетий открылся человеку в состоянии глубокого кризиса. О новом состоянии мира и о новом искусстве, его отразившем, интересно писал Н. Бердяев: «Пропала радость воплощенной, солнечной жизни. Зимний космический ветер сорвал покров за покровом (...) содрана кожа вещей, спали все одеяния, вся плоть, явленная в образах нетленной красоты, распалась» (Н. Бердяев. Кризис искусства. М., 1918. С.7), «нарушаются все твердые грани бытия, все декристаллизуется, распластывается, распаляется. Человек переходит в предметы, предметы переходят в человека, все плоскости смещаются, все планы перемешиваются» (Там же. С.9). Утрата материальности мира, стирание границ между человеком и человеком, человеком и предметом, переход живой материи в неживую – черты, общие и для романа «Петербург», и для живописи русского авангарда.

Так, в романе Андрея Белого, Николай Аполлонович, закрывая свою комнату на ключ, чувствовал, как «комнатное пространство смешивалось с его потерявшим чувственность телом в общий бытийственный хаос, называемый вселенной» (А. Белый. Петербург. М., 1994. С.41–42). Бесструктурность и неиерархизированность мира, отразившие «ра-
244